

Бакулов В. Д. Политические клубы и пресса в России и Англии в 20—30-е годы XIX века: российское общественное мнение о партии тори / В. Д. Бакулов, А. А. Егоров, В. В. Клочков, В. С. Назарова // Научный диалог. — 2020. — № 11. — С. 297—314. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-297-314.

Bakulov, V. D., Egorov, A. A., Klochkov, V. V., Nazarova, V. S. (2020). Political Clubs and Press in Russia and England in the 20—30s of XIX Century: Russian Public Opinion about the Tory Party. *Nauchnyi dialog*, 11: 297-314. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-297-314. (In Russ.).

УДК 94:328.124(470+410)“1820/1830”+32.019.5(470):329.11(410)“1820/1830”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-297-314

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КЛУБЫ И ПРЕССА В РОССИИ И АНГИИ В 20—30-Е ГОДЫ XIX ВЕКА: РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ О ПАРТИИ ТОРИ

© Бакулов Виктор Дмитриевич (2020), orcid.org/0000-0004-6103-1600, ResearcherID D-1177-2019, SPIN 8381-3727, доктор философских наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), viktor_bakulov@mail.ru.

© Егоров Александр Александрович (2020), orcid.org/0000-0002-4573-3158, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), egorov_1799@mail.ru.

© Клочков Виктор Викторович (2020), orcid.org/0000-0003-1850-6096, ResearcherID В-4437-2019, SPIN 6361-9826, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), vicpeel@mail.ru.

© Назарова Вероника Сергеевна (2020), orcid.org/0000-0002-2583-121X, SPIN 5033-3231, старший преподаватель, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет» (Ростов-на-Дону, Россия), door80@mail.ru.

Рассматриваются процессы институционализации таких форм публичной репрезентации в Великобритании и России в первой трети XIX века, как пресса и политические клубы. Исследуется формирование критериев нового типа коммуникации, характерного для клубной культуры: равенство участников, качество аргументации и проблематизация публичной политики применительно к обеим странам. Актуальность исследования видится в проведении сравнительного анализа и определении особенностей становления публичного политического дискурса в России и Великобритании исследуемого периода. Новизна исследования заключается в помещении рассматриваемой в статье проблематики в более широкий исследовательский контекст, а также в использовании методологии критического конвенционализма в процессе анализа роли прессы и политических клубов. Особое внимание уделяется отображению в российской прессе политической ситуации в Великобритании в первой половине 30-х годов XIX века. Представлено авторское видение роли и места прессы в формировании общественного мнения в России по отношению к политике партии тори в 1831—1834 годах. Показано, что представления российского образованного класса о политике тори в этот период были отрывочными и слабо осознанными с точки зрения понимания британских политических реалий.

Подчеркивается, что верность оценки политической ситуации в Великобритании первой половины 30-х годов XIX века в российской прессе вызывает обоснованные сомнения.

Ключевые слова: Великобритания; Россия; тори; консервативная партия; пресса; общественное мнение; политические клубы; Карлтон клуб; Английский клуб; парламентская реформа 1832 года; гражданское общество; просвещенное общество.

1. Введение

В исследованиях по истории Великобритании первой трети XIX столетия, увидевших свет за последние полвека, часто подчеркивается, что именно в этот период, а в особенности — в конце 20-х — начале 30-х годов деятельность политических партий и политический процесс в целом оказались подвержены все большему влиянию общественного мнения, а также прессы и формирующихся в это время политических клубов. В наиболее артикулированном виде этот взгляд был представлен в классической работе А. Аспиналла «Политика и пресса, 1780—1850», составившей целую эпоху в английской историографии проблемы. Именно здесь была впервые представлена стройная концепция, в соответствии с которой первая треть XIX века в Великобритании стала временем, когда сформировался особый способ взаимодействия политической элиты страны и ее общественного мнения, афористически охарактеризованный автором как «government by public opinion» [Aspinall, 1949, p. 205—206]. После появления в конце 80-х годов прошлого века своего рода «ревизионистской школы» в британской историографии характер и способы взаимоотношений политической элиты, партий и прессы с общественным мнением стали оцениваться более осторожно. Однако достигнутый в Англии уровень институционализации таких характерных для нового времени форм репрезентации общественного мнения, как пресса и политические клубы, редко подвергается сомнению. То же самое можно сказать и об объяснительной модели, предложенной указанным выше исследователем, хотя смыслы, вкладываемые сегодня исследователями в некогда предложенную им формулу, становятся все более разнообразными [Хабермас, 2016, с. 122].

Так или иначе, но именно в первой трети XIX века в Великобритании, прежде всего в ходе широкой дискуссии о предоставлении гражданских и политических прав диссидентам и католикам в 1828—1829 годах, а также реформы политического представительства 1832 года, возникают совершенно особые формы и способы репрезентации публичного пространства и соответствующие им институты публичной политики. Кроме того, нельзя не заметить, что само взаимодействие субъектов политического процесса и коммуникация между ними значительно интенсифицируются и усложняются. Такая ситуация становится следствием все возрастающей динамики самих политических отношений, что, в свою очередь, приводило к появлению новых форм и способов взаимодействия их субъектов. В этом смысле

справедливо замечание Ю. Хабермаса, который отметил совершенно особую роль прессы в «новом облике политического и социального порядка» и обратил внимание на возросшую роль прессы и политических клубов в Англии первой трети XIX века [Хабермас, 2016, с. 231].

Однако усложнением форм и способов общественной коммуникации дело не ограничивалось. Принципиально важным было то обстоятельство, что само это усложнение стало катализатором к выработке особых критериев самого акта коммуникации. Немецкий философ показал, что постепенно реальностью стал новый вид дискурса, основанный на равенстве статусов участников, проблематизации правительственной политики, которая раньше не была объектом широкого публичного обсуждения, а также открытой общественной дискуссии. Вопросы, обсуждаемые в ходе последней, отбирались не только потому, что были значимы, но и вследствие доступности информации о них [Хабермас, 2016, с. 95].

Что касается России первой трети XIX века, то там ситуация была иной. Известный российский исследователь И. С. Розенталь в своей примечательной работе, увидевшей свет чуть более десятилетия назад, отметил, что общественное мнение в России указанного периода еще неполноценно и никак не сравнимо с тем, что имело место в Англии. В развитии журнальной и клубной культуры в России тренд к когерентности содержательно-смыслового выражения общественно-политической жизни, все более глубокого проникновения в реальные политические проблемы, — как это происходило в Англии, — непосредственным образом не фиксируется, или, во всяком случае, нуждается в дальнейшем исследовании [Розенталь, 2007, с. 48]. Последнее замечание автора обобщающей работы по истории общественного мнения и клубов в России конца XVIII — начала XX веков, занимающей в отечественной историографии проблемы место, подобное тому, что в британской исторической науке занимает исследование А. Аспиналла, представляется крайне важным.

По мнению отечественного историка, «клубы становились центром влияния на окружающую социальную среду, устанавливая и внушая ей стандарты общественного поведения». Это позволяло «образованному и просвещенному обществу» в определенной степени претендовать на выражение «общественного мнения. Однако сословный принцип делал российские клубы лишь своеобразными и очень редкими островками свободы и самоуправления, к тому же специфично понимаемых с учетом особенностей самого российского общества [Розенталь, 2007, с. 42].

Актуальность сравнительного исследования роли прессы и политических клубов в Великобритании и России первой трети XIX века, а также изучения общественного мнения в России о деятельности одной из ведущих британских политических партий тори (с 1832 года — консерваторов, хотя в обиходной

речи того времени эти названия употреблялись как синонимичные) в качестве весьма показательной иллюстрации специфического восприятия и оценки британских политических реалий в России представляется обусловленной несколькими обстоятельствами. Во-первых, сравнительный анализ места и роли политических клубов в формировании общественного мнения, а также характера взаимоотношений клубов и прессы в Великобритании и России позволяет более рельефно выделить особенности указанных процессов в каждой из стран. Во-вторых, достаточно перспективным оказывается исследование того, насколько использование прессы и апеллирование к общественному мнению стали очевидными средствами мобилизации избирателей и поддержки реализуемого политического курса в Великобритании и насколько адекватно такая практика воспринималась в России. Наконец, обзор материалов российской прессы о политическом процессе в Великобритании и деятельности консервативной партии позволяет определить степень влияния, которую оказывали сведения о политическом противостоянии в Великобритании на общественное мнение в России. Кроме того, появляется возможность оценить адекватность инструментария, применяемого для оценки той информации о политических процессах в туманном Альбионе, которая доходила до российской элиты.

С отмеченной выше актуальностью связана и ключевая проблематика данной статьи. Вопрос заключается здесь не только в том, что сама роль прессы и политических клубов в Великобритании и России первой трети XIX века и степень их влияния на общественное мнение зачастую оценивались неадекватно, без надлежащего учета общественных и политических реалий в каждой из стран. Целью настоящей работы является попытка показать, что именно сравнительное изучение роли политических клубов и прессы в формировании общественного мнения в Великобритании и России первой трети XIX века (учитывая его особенности в каждой из стран) позволяет поместить указанную проблематику в более широкий исследовательский контекст. Это, в свою очередь, даст возможность для более взвешенной оценки исследуемых фактов и обстоятельств, способствуя обретению нового знания в рамках заявленной проблематики.

2. Политические клубы и пресса в Великобритании

Если попросить читателя, сколь-нибудь близко знакомого с литературной классикой, привести наиболее запоминающийся пример британской клубной культуры, то почти наверняка будет упомянут знаменитый Пиквикский клуб. И это не случайно: именно Великобритания по праву считается родиной клубов, первые из которых возникли задолго до описываемых Ч. Диккенсом событий, еще в конце XVI века. После «Славной революции» 1688 года наступает настоящий клубный бум: уже в середине XVIII века

только в Лондоне было до 50 клубов различной направленности, а к началу XIX века в одной только Англии и Уэльсе число клубов подбиралось уже к 7000 [Розенталь, 2007, с. 16—19].

К первой трети XIX века наряду с клубами, подобными Пиквикскому, основной задачей которых было заполнение досуга, стали возникать и клубы интеллектуалов, в которых обилие газетной и журнальной продукции давало пищу к наблюдениям за состоянием общества и способствовало политической рефлексии. Примером такого клуба может быть лондонский «Этениум», описанный в 1824 году (деятельность Пиквикского клуба относится к 1822—1827 годам) редактором журнала «Оригинал» Т. Уолкером следующим образом: «Здание клуба напоминает дворец, и содержится в таком же порядке, как и частный дом. Каждый член клуба — хозяин этого дома, однако без хозяйских забот: он может приходить когда угодно, и... его будут беспрекословно обслуживать. Невозможно представить себе большую степень свободы в образе жизни» [Вайнштейн, 2003, с. 159].

От такого рода заведений оставался лишь один шаг до появления собственно политических клубов, профессиональным занятием членов которых было участие в политической жизни и обсуждение ключевых вопросов политической повестки. Этот шаг был сделан в Великобритании первой половины 30-х годов XIX века главным образом благодаря усилиям лидеров партии тори-консерваторов Р. Пиля и герцога Веллингтона. После отставки кабинета последнего в ноябре 1830 года тори впервые за очень длительный срок переместились на скамьи оппозиции. Это позволило им быстро осознать, что будущее партии зависит не только от выверенной политической стратегии. Нужны были новые механизмы обеспечения единства оппозиции: организационная структура, главным элементом которой станут консервативные клубы в центре и на местах, а также расширение круга и финансирование изданий, освещавших политику тори по ключевым вопросам. В более широком контексте это предполагало выстраивание четкой системы взаимоотношений партии тори с прессой.

Все эти обстоятельства были следствием интенсификации политических отношений в Великобритании конца 20-х — начала 30-х годов XIX века и явного усложнения системы коммуникации субъектов публичной политики. В 1830 году лидеры тори уже вполне осознают необходимость создания партийных ассоциаций [Stewart, 1964, p. 169]. В феврале следующего года принимается решение о приобретении помещения для нужд формирующегося клуба. Уже в марте 1832 года средства были собраны по подписке и был приобретен просторный дом лорда Кенсингтона на Карлтон Террас [PP, f. 372]. По имени этой резиденции центральная партийная организация получила название *Карлтон клуб* [Gash, 1977, p. 393—400]. Следует заметить, что примерно с этого же времени начинает все чаще употребляться новое название партии —

консервативная. Что касается финансового обеспечения деятельности клуба, то вступительный и ежегодный взносы для его членов были определены в размере 10 фунтов стерлингов, а первоначальное число участников составило около 500 человек. К началу парламентской сессии 1832 года количество членов клуба возросло до 800 человек. К 1835 году был создан и ряд консервативных клубов за пределами Лондона, а «Таймс», отмечая новаторство консерваторов в деле организации политических клубов, писала о «быстром распространении» в стране «этих полезных и важных институтов» [Times, 1835, 23 April].

Внимание «Таймс» к консервативным клубам стало свидетельством еще одной важной тенденции — стремления лидеров консервативной партии обеспечить поддержку прессы своим начинаниям. При этом следует понимать, что сделать это было очень сложно хотя бы потому, что даже в Великобритании 30-х годов XIX века отсутствовали представления о политической лояльности прессы к определенной партии. Консерваторы активно пытались оживить партийную прессу, поддерживая ее финансовыми вложениями, но их пресс-фонд еще не был тогда настолько значительным, чтобы эти мероприятия могли принести хоть сколько-нибудь значительный успех [Salmon, 2002, p. 102]. Все ограничилось поддержкой вечерних газет «Стар» и «Морнинг пост», а также еженедельной газеты «Альбион», сбором средств по подписке на содержание поддерживающих консерваторов газет [Dispatches, 1880, p. 500]. Постоянная нужда в средствах была характерной особенностью существования не только Карлтон-Клуба, но и его «пресс-офиса» [Albion, 1834, 22 November].

Стремление консерваторов (пусть и отчасти вынужденное) к созданию системы политических клубов и партийной прессы служит доказательством определенной степени зрелости институтов публичной сферы в Великобритании первой трети XIX века. Однако было бы опрометчиво полагать, что подобная зрелость была обеспечена только стараниями тори. Дело еще и в том, что дискуссии вокруг реформы политического представительства 1832 года не только усложнили и интенсифицировали коммуникацию субъектов публичной политики, но и провоцировали все более широкую апелляцию к общественному мнению. Появились и новые способы коммуникативного воздействия прессы на сам процесс формирования общественного мнения по ключевым вопросам политической повестки. Речь идет о появлении практики публикации не только отчетов о парламентских дебатах, но и выдержек из них в прессе.

В этой практике оказались тесно переплетены два взаимосвязанных аспекта. С одной стороны, постепенно формируется практика публикации официальных отчетов о парламентских дебатах. С другой — складывается традиция широкого освещения деятельности парламента в прессе [Манов, 2014, с. 84]. Это случилось далеко не сразу, поскольку до 1771 года парламентские дебаты не подлежали об-

суждению в прессе [Cobbet, 1816, p. 124]. Только в 1836 году состоялось судебное разбирательство, известное как дело «Стокдейл против Хансардов», имевшее прецедентное значение в процессе установления юридически определенной системы взаимоотношений парламента с прессой. В ходе судебного процесса было установлено, что книгоиздатель У. Стокдейл был упомянут в отчете тюремных инспекторов, рассмотренном палатой общин. Один из этих инспекторов охарактеризовал изданную У. Стокдейлом книгу как неподходящую для тюремного чтения. Тогда У. Стокдейл подал иск против Хансардов как издателей отчета тюремных инспекторов, включенного в документы палаты общин. Хансарды же представили доказательства того, что палата общин приняла постановление, разрешающее публикацию отчета. Однако лорд-верховный судья Дж. Э. Денман оспорил привилегии палаты и высказал мнение, что указание палаты публиковать парламентские отчеты не освобождает издателей подобных отчетов от ответственности по искам о клевете на основании содержания отчетов [Anson, 1922, p. 153].

Таким образом, английский опыт создания политических клубов, коммуникативного воздействия прессы на процесс формирования общественного мнения и апеллирования к нему, а также взаимоотношений парламента с прессой в первой трети XIX века оказывается весьма интересным и противоречивым. С одной стороны, широкое распространение клубной культуры и профессионализация клубов, связанная с появлением организаций, подобных Карлтону, служат неоспоримым доказательством не только достаточной зрелости самой публичной сферы, но и усложнения приемов и способов коммуникации внутри нее. В пользу этого обстоятельства свидетельствует ярко выраженное внимание консерваторов к прессе и признание факта ее значительного влияния на общественное мнение. Все это вместе создает соблазн своего рода «опрокидывания» истории в настоящее в попытке представить английскую публичную сферу и способы репрезентации общественного мнения в ней максимально близкими к тому, что мы видим сегодня.

С другой стороны, очевидно, что максимальная закрытость парламента от публики и сложности, связанные с публикацией парламентских отчетов (равно как и с отражением сути парламентских дебатов в прессе), ставят под сомнение ту тесную связь между парламентским представительством как одним из элементов публичной сферы и открытыми и публичными парламентскими слушаниями. Напротив, создается впечатление, что «элита собравшихся в Вестминстере сановников» вовсе не была заинтересована в том, чтобы «видеть отчетливо публику или своих избирателей» [Hanson, 1967, p. 133]. И это в первой трети XIX века, когда во Франции открытые парламентские слушания и их подробное освещение в прессе давно стали обыденностью. Очевидно, что дело здесь обстоит значительно сложнее. Как представляется, отсутствие публичной открытости парламента имело своей целью его

эмансипацию от королевской власти на основе принадлежащего палате общин комплекса прав и привилегий. В итоге это стало интерпретироваться как средство защиты парламентариев и от шантажа со стороны публики. Палата общин в начале XIX века оберегала свои права и привилегии весьма ревностно, рассматривая парламент как подходящее место для критического анализа действий правительства группировками политической элиты. В этом смысле прямые параллели между палатой общин и политическим клубом в Англии первой трети XIX века вполне очевидны.

3. Политические клубы в России

Если рассматривать публичную сферу и ее ключевые элементы в том виде, как они оформились в исследуемое нами время в России, то следует признать, что здесь и клубная культура, и пресса складывались и развивались в принципиально иной обстановке, нежели в Англии. Эту специфичность следует учитывать при изучении российского общественного мнения и степени его влияния на текущую политическую повестку. Изображенный Ч. Диккенсом Пиквикский клуб (при всей его нарочитой экстравагантности) мог служить художественным подтверждением достаточной зрелости британской клубной культуры, а упомянутый выше клуб «Этениум» фиксировал эту зрелость практически на уровне эмпирического факта. Ничего подобного в России первой трети XIX века еще не появилось. Если продолжить литературные аналогии, то ближайшая — это характерный возглас Чацкого в тот момент, когда главный герой «Горя от ума» узнает о распространяющихся в обществе слухах о своем мнимом сумасшествии: *«Не в смех, а явно в злость, / Все в голол повторяют: Чье это сочиненье! / поверили, глупцы, другим передают, / Старухи вмиг тревогу бьют, / И вот общественное мнение!»*.

В свое время именно это восклицание Чацкого с ярко выраженным сочувствием процитировал Пушкин в «Евгении Онегине». Оба великих поэта полагали, что общественного мнения в России второй половины 20-х — начала 30-х годов XIX века просто нет, оно еще не оформилось и уже поэтому неполноценно. Слухи, сплетни, досужие разговоры — все то, что в русском литературном языке объединялось понятием «молва», — ни Грибоедов, ни Пушкин общественным мнением не считали. Однако оба вполне сознавали, что и в современной им России общественное мнение постепенно входит в число показателей состояния не только общества в целом, но и его культуры.

Такое осознание для представителей культурной элиты российского общества первой трети XIX века довольно симптоматично. Если в Великобритании еще со времен Дж. Локка под обществом понималось прежде всего общество гражданское, строго разграниченное с государством и взаимодействующее с ним в рамках традиционного общего права (что и позволяет, собственно, гово-

речь о либеральной модели публичной сферы в этой стране), то в России зачатки такого общества только вызревали. Здесь уже стали говорить об *общественном* мнении, но наряду с этим в качестве синонима часто употреблялся термин *общее мнение* [Розенталь, 2007, с. 5]. Такая подмена понятий симптоматична: культурное единство есть один из основных идеалов эпохи Просвещения, и всеобщность оценки того или иного общественного явления воспринималась как некое идеальное и желательное состояние общества. О разности оценок и принципиальной разобщенности общественного мнения в его европейском понимании в России того времени имелось весьма смутное представление.

При этом следует помнить, что в России первой трети XIX века само общество — не гражданское в европейском смысле этого термина. Это общество образованное («просвещенное», «лучшее»), включающее в себя лишь часть дворянства, интересующегося тем, что мы сегодня назвали бы политической философией, и способное так или иначе рефлексировать по поводу текущей политической повестки. Численность такого «общества» была крайне невелика: после издания Петром III Манифеста о вольности дворянства службу покинули примерно 7,5 тысяч дворян. Не будет преувеличением сказать, что часть из них и составила основу того образованного общества, о котором только и можно говорить в его российском варианте в первой трети XIX века [Фаизова, 1999, с. 107].

В данном контексте не видится случайным то обстоятельство, что местом для досуга и сопровождающей его политической рефлексии просвещенного дворянства в России первой трети XIX века стали клубы, создаваемые по английскому образцу. Такие собрания оказались востребованы частью русского дворянства, которому, по меткому выражению В. О. Ключевского, вдруг «в одно и то же время стало одиноко в обществе и праздно дома» [Ключевский, 1983, с. 83]. Так, Санкт-Петербургский Английский клуб был основан в 1770 году англичанами, которые и в России старались придерживаться образа жизни, характерного для их родины [ОА, 1899, с. 1—6]. Двумя годами позже клуб с аналогичным названием был основан и в Москве. Примечательно, что оба эти клуба формально были всесословными [Завьялова, 2005, с. 93—95].

В 1783 году в Москве возникает и первый собственно дворянский клуб — Благородное дворянское собрание. Об этом клубе мы знаем достаточно много благодаря описанию, оставленному в 1787 году Ф. де Мирандой, будущим лидером войны испанских колоний за независимость и генералиссимусом Венесуэльской республики. Пока же скромный путешественник отметил, что собрание размещалось в «роскошном дворце с огромным парадным залом», располагало отменной кухней и прекрасным винным погребом. От взгляда проницательного наблюдателя не ускользнуло и то, что основным назначением клуба является досуг его членов, с балами и не-

изменными карточными играми. Членство в клубе было фиксированным и сопровождалось уплатой значительного взноса в размере от 10 до 20 рублей [Миранда, 2000, с. 32—33]. Нетрудно заметить, что порядок членства здесь аналогичен консервативному Карлтон клубу.

В 1813 году в Москве был основан и свой Английский клуб, причем, по всей видимости, изначально имела место конкуренция с Благородным дворянским собранием. Дела последнего постепенно приходят в упадок (к середине XIX века этот клуб разорился). Что же касается Английского клуба, то финансовых проблем у него не было. В 1831 году клуб переехал в роскошный дворец графа Разумовского на Тверской, а чистая прибыль клуба за этот год составила 8 тысяч рублей. Общая численность членов московского Английского клуба к этому времени оценивается примерно в 300 человек [Вяземский, 1988, с. 239].

По сравнению с Благородным дворянским собранием Английский клуб в Москве был настолько многочисленным, что перед его членами встала проблема отбора достойнейших из огромного числа желающих попасть в клуб. Принадлежность к дворянскому сословию была обязательным критерием, а вот «просвещенность» кандидатов порой вызывала ожесточенные споры. Здесь следует вспомнить, что проблема допуска в элитарные клубы не была решена и в Великобритании первой трети XIX века. В период интенсивного формирования в стране новой буржуазной элиты на первое место выходило уже не происхождение, а «хороший тон», служащий несомненным признаком джентльмена. Именно это понятие, изначально подразумевавшее безупречную репутацию и хорошие связи, стало в Великобритании определяющим в процессе слияния дворянской и буржуазной элиты в единое целое [Вайнштейн, 2003, с. 157]. В России ничего подобного еще не было, и говорить о «разночинской элите» в каком-либо удовлетворительном контексте применительно к исследуемому времени нельзя.

Таким образом, можно зафиксировать некоторые особенности российской клубной культуры первой трети XIX века. На первое место следует поставить пусть публично не афишируемую, но на практике обычно соблюдаемую сословную замкнутость такого рода заведений. Обращает на себя внимание и обособленное положение столичных Английских клубов с ярко выраженной структурой, оформленным членством и наличием ежегодных взносов. Общая немногочисленность клубов — примерно 20 в Санкт-Петербурге и не более 10 в Москве — была следствием не только количественной ограниченности российского «просвещенного общества», но и слабого развития городской жизни вообще (в России того времени городское население не превышало 7 %). С определенной долей условности можно говорить и о том, что российские клубы, заимствуя в целом формы досуга, характерные для их английских аналогов, оказывали определенное

влияние на стандарты общественного поведения. Однако вопрос о профессионализации российских клубов и о том, насколько их деятельность была связана с обсуждением текущей политической повестки и материалов прессы, до сегодняшнего дня остается слабо изученным.

По всей видимости, невозможно установить, когда именно в российских английских клубах появились «разговорные» комнаты, подобные тем, что были обязательным атрибутом подобных заведений в Великобритании еще с конца XVIII века. Однако точно известно, что уже в 10-е годы XIX века подобные комнаты существовали и именовались *говорильнями*. Сам термин представлял собой вольное переложение английского *parliament* и в ироническом смысле употреблялся лишь отчасти. Скорее имелось в виду иное: свобода высказываний как дворянская привилегия, подразумевающая возможность политической оценки деятельности правительства в узком кругу, отражала и формирующееся у части российского дворянства определенное отношение к английским парламентским учреждениям. Доказательством этого служит неподдельный интерес к событиям в Англии, связанным с реформой политического представительства 1832 года.

При этом следует избегать соблазна проецировать на российские клубы алгоритмы деятельности их английских аналогов. Мы не находим в источниках никаких свидетельств профессионализации российских клубов таким образом, как это происходило в Великобритании: ни один из них так и не стал подобием политического клуба в полном смысле слова так, как это произошло с Карлтон клубом. Более того, известный декабрист Николай Тургенев, бывший членом Санкт-Петербургского Английского клуба в 1817—1818 годах, оставил весьма характерные свидетельства о типичном времяпрепровождении коллег по клубу. Сам Н. Тургенев приходил в клуб обедать и читать газеты, что же касается разговоров между членами клуба, свидетелем которых он был, то он находил их весьма неинтересными. В одном из своих писем брату Сергею он писал о беседах «невинных клубистов» следующее: «Далее Реомюрова термометра и газетных известий (да и то «Северной пчелы») [их разговоры] не простираются. Это даже несносно может быть, когда надобно говорить о чем-нибудь. К тому же и мрак превеликий». Не случайно, что Н. Тургенев называл «клубистов», иногда дающих далекие от реальности оценки различным текущим событиям, «печенегам Английского клуба». Старший брат Н. Тургенева Александр также был настроен скептически в отношении интеллектуальных особенностей членов клуба и полагал, что «Николай убивает много времени в Англинском клубе» [ОА, 1899, с. 253].

Характерно, что Н. Тургенев, известный сторонник введения представительного правления в России, достаточно подробно писал брату Сергею о тех наблюдениях, которыми обогатило его членство в Английском клубе,

оказавших влияние на его размышления о «правлениях представительных»: «Английский клуб доказал мне недавно на опыте, как натурально представительство, и как оно свойственно даже и членам клуба нашего. Дело шло о прибавке цены на обед. Старшины или министры объявили, предложили. Поднялась оппозиция и выбрала своим председателем одного дантиста: он говорил, кричал — точно как и в парламенте — и наконец баллотировали — прибавка утверждена; оппозиция *in deroute* (разбита), а министериальные стали пить пунш, кричать ура и дразнить оппозицию. Между тем все обошлось в порядке. Дай только людям средства говорить об их интересах, то всегда они будут говорить дельно». [Завьялова, 2005, с. 40].

Замечания Н. Тургенева интересны в том отношении, что достаточно ярко иллюстрируют не только вторичность общественного мнения в России (даже с поправкой на отмеченные выше особенности этого понятия). Речь идет и о крайне специфическом восприятии и понимании того, что мыслилось отечественному «клубисту» в качестве «парламентских реалий». По-видимому, чтобы увидеть в «Англинском клубе» прообраз парламента, нужно было быть Н. Тургеневым. С позиций же сегодняшнего дня очевидно, что эти два учреждения были столь же схожи друг с другом, как зазеркалье Алисы — с викторианской Англией.

4. Российская пресса о партии тори в 1830—1835 годах

Столь же своеобразным оказывалось в России и представление об английском политическом процессе и деятельности партии тори. И дело здесь не только в том, что сведения обо всем этом в российской прессе были весьма фрагментарными, особенно если сравнить их с отражением, скажем, в британской прессе событий революции 1830 года во Франции. Следует помнить, что английская пресса использовала описание этих событий в обоснование текущей политики, тогда как в России ничего подобного не было [Кузнецова, 2008, с. 274].

Такой же специфичностью отличалась и информация о деятельности британских политических партий, в частности тори, изредка попадавшая на страницы российских газет. Сведения о проигранных тори парламентских выборах 1831 года просочились в российскую прессу из донесений русского посла в Лондоне в 1812—1833 годах Х. А. Ливена [АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, д. 143, лл. 226—227]. Из того же первоисточника российский читатель мог узнать (правда, без особых подробностей) о политическом кризисе 1831 года, связанном с предложением вигов увеличить количество пэров для обеспечения необходимого результата голосования по биллю о реформе парламента 1832 года [АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, д. 143, л. 225]. В подавляющем большинстве прочих случаев источником информации становились прямые

заимствования из французских газет. Освещая события 1832 года, издаваемая Н. Гречем и Ф. Булгариным в Санкт-Петербурге первая частная русская газета «Северная пчела» помещала отрывки из материалов французской «Le Moniteur Universel». [Северная пчела, 1832, 3, 7 и 17 мая]. Среди газет таким же образом поступали и более авторитетные «Московские ведомости» [Московские ведомости, 1832, 11 июня], а среди журналов — «Сын Отечества» [Сын Отечества, 1832, с. 118]. О первом консервативном кабинете Р. Пиля русский читатель мог узнать на страницах все той же «Северной пчелы», но весьма и весьма фрагментарно, без попыток хоть какой-нибудь аналитической оценки этого события [Северная пчела, 1832, 17 сентября; 1834, 12 декабря]. Та же участь постигла в русской прессе маркиза Лондондерри и его неудачную попытку добиться назначения на пост британского посла в Санкт-Петербурге [Clark, 1964, p. 242], хотя здесь основным источником послужил, как представляется ввиду наличия ряда текстуальных совпадений, не слишком известный и популярный среди исследователей сборник речей Р. Пиля от издательства «Roak&Varty» [SRP, p. 133—135].

Таким образом, сведения об английском политическом процессе и деятельности партии тори, попадавшие на страницы российских газет, были крайне фрагментарными. Очевидно, что и влияние этих сведений на общественное мнение в России было минимальным, ограничиваясь не просто «образованным классом», но его наиболее читающей частью. Эта информация могла распространяться в отечественных английских клубах, но не более того. Еще более опрометчиво было бы полагать, что эти сведения, будучи преломленными через российские реалии, получали адекватную оценку [Клочков, 2017, с. 386]. В России можно было составить представление о политическом процессе и деятельности ведущих политических партий в Великобритании конца 20-х — начала 30-х годов XIX века [Борисенко и др., 2008, с. 207]. Однако верность оценки полученных фактов даже в этом случае остается сомнительной [Минаев, 2009, с. 12].

5. Выводы

Таким образом, сравнительный анализ роли прессы и клубной культуры в Великобритании и России первой трети XIX века, а также изучение общественного мнения в России о деятельности консерваторов в качестве иллюстрации специфики восприятия и оценки британских политических реалий в России позволяют заключить, что в обеих странах (хотя и с очень разной степенью определенности) сложились предпосылки для объективизации коммуникативного пространства критически мыслящих людей. В Великобритании превалировала либеральная модель публичной сферы, где ее учреждения были в значительной степени защищены от вторжения со стороны институтов

публичной власти. В России же даже разумная критика (а зачастую и просто рефлексия) по поводу окружающих политических реалий отличалась тем, что публичная дискуссия здесь ограничивалась узким слоем просвещенных интеллектуалов и зачастую отличалась весьма своеобразным восприятием текущей политической ситуации. Характерно и то, что предметом такой дискуссии в России часто становился зарубежный политический дискурс. Происходило так не только в силу очевидной неразвитости собственно российской политической повестки, но и потому, что многие представители российского просвещенного общества имели возможность лично знакомиться с ключевыми вопросами текущей политики в Великобритании, посещая эту страну и наблюдая работу британских политических институтов.

С другой стороны, британский опыт показывает, что само по себе усложнение и интенсификация коммуникации субъектов публичной сферы способны провоцировать все более широкую апелляцию к общественному мнению, равно как и появление новых способов коммуникативного воздействия прессы на процесс формирования общественного мнения по ключевым вопросам политической повестки. Речь идет не только о появлении практики открытой публикации отчетов о заседании палаты общин, но и о размещении выдержек из них в прессе. Однако сложность и развитость этой формы, а в особенности степень ее влияния на процесс принятия значимых политических решений не следует преувеличивать. Общественное мнение могло быть сформировано в политических клубах и даже артикулировано в прессе. Более того, оно могло иметь большое значение и восприниматься в качестве аргумента в политической дискуссии, и до известной степени к нему можно было апеллировать. Но даже в Великобритании первой трети XIX века публичная сфера и ее элементы были лишь фоном, тогда как критический анализ деятельности правительства оставался достоянием политической элиты.

В этом отношении наиболее показательным является именно российский опыт эволюции ключевых элементов публичной сферы, поскольку общественного мнения в общепринятом сегодня значении этого термина в первой трети XIX века в стране не существовало. Не сложились в России и условия, при которых выразителем *общего мнения* (в российском словоупотреблении той эпохи) была бы пресса, а само это мнение стало бы значимым элементом политического дискурса, ввиду крайней ограниченности и специфичности последнего. Критический же анализ деятельности правительства в России, где политического представительства не существовало, а общество продолжало оставаться сословным, был привилегией определенной части элиты. При этом возможность публично высказать свое мнение по ключевым политическим проблемам была фактически ограничена клубной средой. Но и в этом случае очевидно, что такого рода «критицизм» отнюдь не составлял главную особен-

ность клубной культуры в России первой трети XIX века: феномен профессиональных политических клубов оставался здесь неизвестен, он был не понят, а границы дозволенного к обсуждению строго устанавливались свыше. Сама модель коммуникации в публичной сфере в России была пока еще далека от либерального ее образца, сложившегося в Великобритании. Применительно к исследуемому времени можно с определенной долей условности говорить лишь о том, что стали возникать формы такой коммуникации — пресса и политические клубы, — которые при наличии определенных обстоятельств (появления основ гражданского общества и признания правительством прав подданных на самоорганизующиеся политические объединения) могли бы стать основой полноценного дискурса между обществом и государством так, как это (конечно, также с определенной долей условности) уже случилось в Великобритании в первой трети XIX века.

Источники и принятые сокращения

1. АВПРИ — *Архив* внешней политики Российской империи. Фонд Канцелярия. Оп. 469. Д. 143.
2. ОА — *Осташковский архив* братьев Вяземских. Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым. — Санкт-Петербург, 1899. — Т. 1.
3. *Северная пчела* : газета. — 1832. — 3, 7 и 17 мая.
4. *Сын Отечества* : журнал. — 1832. — № 22.
5. *Albion* : газета. — 1834. — 22 November.
6. PP — *Peel Papers*. British Museum. Additional Manuscripts. — 40279.
7. *The Times*: газета. — 1835. — 23 April.
8. SRP — *Peel R. Speeches of the Right honorable Sir Robert Peel, Second Baronet, During His Administration 1834—1835 / R. Peel.* — Roake and Varty, 1835.
9. *Dispatches* — *Wellington A. Wellington Dispatches, Correspondence & Memoranda.* — Vol. VIII. — London, 1880.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисенко В. Н.* Политические издания 1830—1831 гг. о событиях в Англии и Июльской революции во Франции / В. Н. Борисенко, Ю. И. Кузнецова // *Труды кафедры истории нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета.* — 2008. — № 2. — С. 202—212.
2. *Вайнштейн О.* Храмы вежливости и комфорта : клубная жизнь в Англии XIX в. / О. Вайнштейн // *Родина.* — 2003. — № 5—6. — С. 156—162.
3. *Вяземский П. А.* Воспоминания. Записные книжки / П. А. Вяземский. — Москва : Литиздат, 1988. — 412 с.
4. *Завьялова Л. В.* Петербургский Английский клуб 1770—1918. Очерки истории / Л. В. Завьялова. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. — 296 с.
5. *Клочков В. В.* Партия тори-консерваторов и «конституционная революция» 1822—1835 гг. в Великобритании / В. В. Клочков. — Ростов-на-Дону : Издательство Южного федерального университета, 2017. — 480 с.
6. *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения / В. О. Ключевский. — Москва : Наука, 1983. — 386 с.

7. Кузнецова Ю. И. Реформа или революция: вопросы внутривластного развития Англии и Июльская революция 1830 г. во Франции / Ю. И. Кузнецова // Труды кафедры истории нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. — 2008. — № 2. — С. 270—280.

8. Манов Ф. В тени королей. Политическая анатомия демократического представительства / Ф. Манов. — Москва : Канон-Пресс, 2004. — 364 с.

9. Минаев А. И. Британский парламентаризм и его влияние на развитие государственно-правовых институтов России. Конец XVIII — начало XX вв. : автореф. дис. ... д-ра истор. наук : 07.00.03 / А. И. Минаев. — Москва, 2009. — 38 с.

10. Миранда Ф. де. Российский дневник = *Diario de Rusia* / Ф. де Миранда. — Москва — Санкт-Петербург : Наука, 2000. — 342 с.

11. Розенталь И. С. «И вот общественное мнение!». Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII — начало XX вв. / И. С. Розенталь. — Москва : Новый хронограф, 2007. — 398 с.

12. Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII в. / И. В. Фаизова. — Москва : Зерцало, 1999. — 216 с.

13. Хабермас Ю. Структурные изменения публичной сферы / Ю. Хабермас. — Москва : Весь мир, 2016. — 342 с.

14. Anson W. R. The law and Custom of the Constitution / W. R. Anson. — Oxford : Oxford University Press, 1922. — Vol. I. — 362 p.

15. Aspinall A. Politics and the Press, 1780—1850 / A. Aspinall. — London : Longman, 1949. — 436 p.

16. Clark G. K. Peel and the Conservative Party / G. K. Clark. — London : Hodder & Stoughton, 1964. — 392 p.

17. Cobbet W. The Parliamentary History of England. From the Norman Conquest to the Year 1803 / W. Cobbet. — London, 1816. — Vol. V. — 412 p.

18. Gash N. Politics in the Age of Peel. A Study in the Techniques of Parliamentary Representation, 1830—1850 / N. Gash. — Hassocks : The Harvester Press, 1977. — 388 p.

19. Hanson L. Government and the Press, 1695—1763 / L. Hanson. — London : Clarendon P., 1967. — 428 p.

20. Salmon P. Electoral Reform at Work. Local Politics and National Parties, 1832—1841 / P. Salmon. — Suffolk : University Press, 2002. — 212 p.

21. Stewart R. The Foundation of the Conservative Party, 1830—1867 / R. Stewart. — London : Longman, 1964. — 408 p.

POLITICAL CLUBS AND PRESS IN RUSSIA AND ENGLAND IN THE 20—30s OF XIX CENTURY: RUSSIAN PUBLIC OPINION ABOUT THE TORY PARTY

© Viktor D. Bakulov (2020), orcid.org/0000-0004-6103-1600, ResearcherID-1177-2019, SPIN 8381-3727, Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), viktor_bakulov@mail.ru.

© Alexander A. Egorov (2020), orcid.org/0000-0002-4573-3158, Doctor of History, Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), egorov_1799@mail.ru.

© Viktor V. Klochkov (2020), orcid.org/0000-0003-1850-6096, ResearcherIDB-4437-2019, SPIN 6361-9826, Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), vicpeel@mail.ru.

© **Veronika S. Nazarova (2020)**, orcid.org/0000-0002-2583-121X, SPIN 5033-3231, Senior Lecturer, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia), doord80@mail.ru.

The author examines the processes of institutionalization of such forms of public representation in Great Britain and Russia in the first third of the 19th century as the press and political clubs. The formation of criteria for a new type of communication characteristic of club culture is investigated: equality of participants, the quality of argumentation and problematization of public policy in relation to both countries. The relevance of the study is seen in conducting a comparative analysis and determining the features of the formation of public political discourse in Russia and Great Britain during the period under study. The novelty of the research lies in the placement of the problems considered in the article in a broader research context, as well as in the use of the methodology of critical conventionalism in the analysis of the role of the press and political clubs. Particular attention is paid to the presentation in the Russian press of the political situation in Great Britain in the first half of the 30s of the XIX century. The author's vision of the role and place of the press in shaping public opinion in Russia in relation to the policy of the Tory party in 1831—1834 is presented. It is shown that the ideas of the Russian educated class about Tory politics during this period were fragmentary and poorly understood from the point of view of understanding British political realities. It is emphasized that the correctness of the assessment of the political situation in Great Britain in the first half of the 30s of the 19th century raises reasonable doubts in the Russian press.

Key words: Great Britain; Russia; tory; conservative party; press; public opinion; political clubs; Carlton Club; English club; parliamentary reform of 1832; civil society; enlightened society.

MATERIAL RESOURCES

Albion: newspaper. (1834). 22 November.

AVPRI — *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii. Fond Kantselyariya* [Archive of the foreign policy of the Russian Empire. Foundation Chancery]. (In Russ.).

Dispatches — Wellington, A. (1880). *Wellington Dispatches, Correspondence & Memoranda. VIII*. London.

OA — *Ostashkovskiy arkhiv brat'ev Vyazemskikh. Peregiska knyazya P. A. Vyazemskogo s A. I. Turgeneyem* [Ostashkovsky archive of the Vyazemsky brothers. Correspondence between Prince P. A. Vyazemsky and A. I. Turgeney]. (1899). Sankt-Peterburg. 1. (In Russ.).

PP — *Peel Papers. Index to the Additional Manuscripts. British Museum*. 40279.

Severnaya pchela [Northern bee]: newspaper. (1832). 3, 7, 17 maya. (In Russ.).

SRP — *Peel, R. (1835). Speeches of the Right honorable Sir Robert Peel, Second Baronet, During His Administration 1834—1835. Roake and Varty*.

Syn Otechestva [Son of the fatherland]: journal. (1832). 22. (In Russ.).

The Times: newspaper. (1835). 23 April.

REFERENCES

Anson, W. R. (1922). *The law and Custom of the Constitution*. Oxford: Oxford University Press. 1. 362 p.

Aspinall, A. (1949). *Politics and the Press, 1780—1850*. London: Longman. 436 p.

Borisenko, V. N., Kuznetsova, Yu. I. (2008). Politicheskie izdaniya 1830—1831 gg. O sobytyakh v Anglii i Iyul'skoy revolyutsii vo Frantsii [Political publications 1830—1831. Events in England and the July Revolution in France]. In: *Trudy kafedry istorii novogo i noveyshego vremeni Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Proceedings of the Department of History of Modern and Contemporary Times of St. Petersburg State University]. 2: 202—212. (In Russ.).

Clark, G. K. (1964). *Peel and the Conservative Party*. London: Hodder & Stoughton. 392 p.

- Cobbet, W. (1816). *The Parliamentary History of England. From the Norman Conquest to the Year 1803*. London. 5. 412 p.
- Faizova, I. V. (1999). «Manifest o volnosti» i sluzhba dvoryanstva v XVIII v. [“Manifesto of Liberty” and the service of the nobility in XVIII centuries]. Moskva: Zertsalo. 216 p. (In Russ.).
- Gash, N. (1977). *Politics in the Age of Peel. A Study in the Techniques of Parliamentary Representation, 1830—1850*. Hassoks: The Harvester Press. 388 p.
- Hanson L. (1967). *Government and the Press, 1695—1763*. London: Clarendon P. 428 p.
- Khabermas, Yu. (2016). *Strukturnye izmeneniya publichnoy sfery* [Structural changes in the public sphere]. Moskva: Ves’ mir. 342 p. (In Russ.).
- Klochkov, V. V. (2017). *Partiya tori-konservatorov i «konstitutsionnaya revolyutsiya» 1822—1835 gg. v Velikobritanii* [The Tory Conservative Party and the “Constitutional Revolution” of 1822—1835 in Great Britain]. Rostov-na-Donu: Izdatelstvo Yuzhnogo federalnogo universiteta. 480 p. (In Russ.).
- Klyuchevskiy, V. O. (1983). *Neopublikovannyye proizvedeniya* [Unpublished works]. Moskva: Nauka. 386 p. (In Russ.).
- Kuznetsova, Yu. I. (2008). Reforma ili revolyutsiya: voprosy vnutripoliticheskogo razvitiya Anglii i Iyul'skaya revolyutsiya 1830 g. vo Frantsii [Reform or Revolution: Questions of the Domestic Political Development of England and the July Revolution of 1830 in France]. In: *Trudy kafedry istorii novogo i noveyshego vremeni Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Department of History of Modern and Contemporary Times of St. Petersburg State University]. 2: 270—280. (In Russ.).
- Manov, F. (2004). *V teni koroley. Politicheskaya anatomiya demokraticheskogo predstavitel'stva* [In the shadow of kings. The political anatomy of democratic representation]. Moskva: Kanon-Press. 364 p. (In Russ.).
- Minaev, A. I. (2009). Britanskiy parlamentarizm i ego vliyanie na razvitie gosudarstvenno-pravovykh institutov Rossii. Konets XVIII — nachalo XX vv.: author's abstract of Doct. Diss. [British parliamentarism and its influence on the development of state and legal institutions in Russia. Late XVIII — early XX centuries, author's abstract of Doct. Diss.]. Moskva. 38 p. (In Russ.).
- Miranda, F. de. (2000). *Rossiyskiy dnevnik = Diario de Rusia* [Russian diary]. Moskva, Sankt-Peterburg: Nauka. 342 p. (In Russ.).
- Rozental, I. S. (2007). «I vot obshchestvennoye mnenye!» Kluby v istorii rossiyskoy obshchestvennosti. Konets XVIII — nachalo XX vv. [“And here is the public opinion!” Clubs in the history of the Russian public. End of XVIII — early XX centuries]. Moskva: Novyy khronograf. 398 p. (In Russ.).
- Salmon, P. (2002). *Electoral Reform at Work. Local Politics and National Parties, 1832—1841*. Suffolk: University Press. 212 p.
- Stewart, R. (1964). *The Foundation of the Conservative Party, 1830—1867*. London: Longman. 408 p.
- Vaynshteyn, O. (2003). Khramy vezhlivosti i komforta: klubnaya zhizn' v Anglii XIX v. [Temples of Courtesy and Comfort. Club Life in 19th Century England]. *Rodina* [Homeland], 5—6: 156—162. (In Russ.).
- Vyazemskiy, P. A. (1988). *Vospominaniya. Zapisnye knizhki* [Memories. Notebooks]. Moskva: Litizdat. 412 p. (In Russ.).
- Zaviyalova, L. V. (2005). *Peterburgskiy Angliyskiy klub 1770—1918. Ocherki istorii* [Petersburg English Club 1770—1918. History essays]. Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 296 p. (In Russ.).